

РЕЦЕНЗИЯ

В. А. Евсеев

РЕЦЕНЗИЯ на кн.: ARS HISTORICA. Сборник трудов в честь Олега Федоровича Кудрявцева / сост. и отв. ред. А. К. Гладков. М.; СПб.: Центр гуманитарной инициативы, 2015. 566 с. (MEDIAEVALIA)

V. A. Evseev

REVIEW on the book: ARS HISTORICA. The Collection of works in the honor of Olega Fedorovicha Kudryvceva / Compiler and editor A. K. Gladkov. M.; SPb.: Center of humanitarian initiative, 2015. 566 p. (MEDIAEVALIA)

В серии MEDIAEVALIA вышел очень интересный сборник научных трудов — ARS HISTORICA. Это действительно творчество большого коллектива разноплановых исследователей, что, в частности, отражается и в тематике разделов, которых в сборнике насчитывается 7, и в общем количестве статей — 29.

Первый раздел самый большой по количеству статей — 7, но по объёму две статьи (И. В. Дубровского и Б. Н. Флоря) всего лишь на 5 и 6 страниц соответственно. В то же время в четвертом разделе статья И. Е. Андропова насчитывает 44 страницы. Большая часть представленных в сборнике исследований затрагивает эпоху Средневековья и Нового времени (V—XVIII вв.) и лишь только 2 статьи посвящены более современному периоду — 40-м годам XX в. Обширны не только хронологические рамки представленных в сборнике материалов, но и их территориальный охват — Россия, Европа, Америка.

Такое разнообразие материалов определило и наш подход к их рецензированию. Постараемся дать обзор каждого раздела, но обратимся лишь к наиболее значимым и интересным с нашей точки зрения статьям.

В первом разделе «Россия и мир в исторической ретроспективе: образы, представления, стереотипы» можно выделить несколько интересных материалов. Во-первых, наше внимание привлекли две статьи, посвященные раннесредневековой Руси. Небольшая по объёму статья А. А. Горского «Империя франков и становление древнерусской государственности (к постановке проблемы)» носит в значительной степени дискуссионный характер. Это отражено и в самом названии — к постановке проблемы. Те факты, которые автор статьи приводит в качестве доказательства влияния империи франков на становление государства у восточных славян, очень зыбкие и их трактовка достаточно спорна (о родстве Рёрика и Рюрика с. 17). Однако А. А. Горский

© Евсеев В. А., 2020

действительно обратил внимание на проблему взаимодействия разных этнических ареалов в раннесредневековой Европе.

В следующей статье В. А. Антонова «Киев как *metropolis civitas* Русской земли», автор главной задачей ставит научную проблему перевода выражения *metropolis civitas* в труде Адама Бременского (с. 22). Тщательно анализируя его сочинение и произведения других иностранных церковных авторов той эпохи В. А. Антонов, отмечает, что Адам Бременский употреблял *metropolis* и *metropolis civitas* как обычные церковные термины его духовно-исторической эпохи. Поэтому Киев для него являлся церковно-административным средоточием Русской земли, город в котором находится ее главная церковь, *metropolis* (с. 35). Подводя итоги своего исследования В. А. Антонов совершенно справедливо отмечает, что в X—XIII веках, Киев и в самом деле являлся в понимании иноземцев главным городом руси и Русской земли. Но только это свое понимание они выражали не словами *metropolis civitas* или *metropolis*, которыми обозначали присутствие в Киеве Русской митрополии, духовного и церковно-административного средоточия «всей Русской земли православного христианства» или «русского христианства», а посредством слов, которые по понятиям их времени, определяли главенствующее, первенствующее, правительственное значение города любого народа и его земли (с. 43—44). Данный вывод с нашей точки зрения вполне логичен и обоснован.

Далее в первом разделе наше внимание привлекла статья Т. Л. Лабутиной «Англофильство и англomanия в России в XVI—XVIII вв.». Известная исследовательница не первый раз обращается к проблеме культурных связей Англии и России в эпоху Нового времени. Её интересовало, каким образом российское общество относилось к привнесённым с Запада, в первую очередь, из Англии элементам европейской культуры, и действительно ли британское влияние было настолько сильным, что привело к зарождению англофильства и англофильства в нашей стране (с. 72). Автор подробно рассматривает проанглийские симпатии Ивана IV и Бориса Годунова. Поэтому Т. Л. Лабутина считает, что в годы правления этих царей происходило зарождение англофильства и англофильства, что явилось закономерным и объективным процессом (с. 99). Петр I, который, как она отмечает, единственный из всех русских правителей более всех следовал британским образцам в своей деятельности, а поэтому полным основанием мог быть причислен к англофилам. Екатерину II автор статьи, вслед за В. О. Ключевским и Н. А. Ерофеевым, считает галломанкой (с. 93), хотя среди ее окружения были англофилы, но они не имели широкого распространения (с. 99).

В статье В. Л. Малькова «Ни мира, ни войны. Джордж Фрост Кеннан о России и русских без дури и предубеждений» наиболее интересен сам факт публикации выступления Джорджа Кеннана на Совете по внешней политике от 7 января 1947 г. и его оценка положения в России. В. Л. Мальков отмечает, что Джордж Кеннан дает в своем выступлении трезвую оценку советской модели развития, ее сильных и слабых сторон (с. 110).

С нашей точки зрения первый раздел оказался более интересен по своей проблематике. Следующие три раздела объединяет эпоха Возрождения и Реформации, хотя они, конечно, разные по проблематике.

Второй раздел «Феномен Ренессанса в истории европейской культуры». Авторы статей в нем — признанные отечественные исследователи по проблемам Возрождения. В статье Н. В. Ревякиной «Библиотека Джаноццо

Манетти» отличается логичностью, обоснованностью в изложении материала, широким охватом литературы по проблеме. Автор пишет, что книги из библиотеки Манетти были основой его творческой работы (с. 135). Это же положение Н. В. Ревякина заявляет и в качестве выводов, считая книжное собрание Манетти рабочей библиотекой гуманиста (с. 138).

Статья Ю. П. Зарецкого «Героическое “Я” Бенвенуто Челлини» в большей степени полезна ее историографическим обзором, нежели показом героической фигуры Челлини, о котором действительно написано достаточно много. Поэтому первые 6 страниц статьи из 20 более информативны с точки зрения обзора литературы о фигуре Бенвенуто Челлини.

Саратовская исследовательница И. Я. Эльфонд обращается к фигуре и творчеству Агриппы д'Обинье — известного французского поэта, историка и политического деятеля эпохи гугенотских войн. Проанализировав его разнообразные сочинения, автор статьи приходит к выводу, что творчество Агриппы д'Обинье отразило и кризис ренессансного идеала, и трагическую ломку представлений о мире и новое восприятие и оценку природы. По его убеждению, мир враждебен человеку, он находится в непрерывной борьбе. Далее И. Я. Эльфонд отмечает, что поэт уже предвосхищает барокко, и все же его творчество вполне вписывается в рамки «Трагического гуманизма» (с. 190—191).

Третий раздел «Визуальный код в эпоху Возрождения: к уяснению историко-культурных смыслов» начинается с небольшой по объёму статьи И. Х. Черняка «Иконография рельефа “Истории Ноя” на Райских дверях Флорентийского баптистерия: Амброджо Травесари и вторая Оригенова гомилия в книге Бытия». В этом кратком сообщении автор повествует о воздействии идей патристики на ренессансную иконографию на примере рельефа Лоренцо Гиберти «История Ноя» на Райских дверях Флорентийского баптистерия.

Следующая статья Л. М. Брагиной «Городская архитектура в сочинениях гуманистов Флоренции эпохи Возрождения» показалась нам более привлекательной по своей проблематике. Сама автор в самом начале статьи заявляет, что она лишь только намечает дальнейший вектор возможного изучения проблемы. Изменения в архитектуре должны, по ее мнению, сказаться и в сфере слова, отразиться в литературе, которая в свою очередь проявляет небывалый интерес к жизненным реалиям (с. 212). Начинает он с произведений Петрарки и его описания архитектурных памятников в итальянских городах. Затем она обращается к трудам Боккаччо, Бруни, Манетти, Альберти, Пальмиери и заканчивает сочинениями Макиавелли, анализируя их с точки зрения восприятия гуманистами архитектурного облика итальянских городов. Л. М. Брагина приходит к выводу, что данная проблема не всегда была предметом детального рассмотрения в трудах гуманистов. Лишь Бруни, по ее мнению, демонстрирует интерес к градостроительным проблемам и знакомство с терминологией зодчества (с. 225). В заключении автор статьи пишет, что зеркало гуманистической литературы той поры, за редким исключением, оказалось смутным и неполным отражением того, чем была архитектура ренессансной Флоренции, а умение видеть архитектуру шире и глубже сложилось не сразу, лишь после появления труда Леона Батиста Альберти «О зодчестве», и ренессансные представления об архитектуре стали распространяться по всей Италии (с. 226).

Четвертый раздел «Смена веков: новые культурные явления в Европе XVI—XVII вв.» по объёму второй после первого. Наше внимание в данном разделе привлекла статья В. М. Володарского «Специфика диалогов в публицистике ранней Реформации в Германии». Как заявляет сам автор, сочинения в форме диалогов, которые печатались в виде «флугшрифтов», были всегда многостраничны (типа брошюры или памфлета) (с. 259). Говоря о растущей значимости данного вида печатной продукции, В. М. Володарский пишет, что в 1500 г. соотношение книг на латыни и на немецком языке составляло 20:1 в пользу латыни, в 1524 г. уже только 3 : 1. Издания с актуальной религиозной и церковно-политической проблематикой и здесь оттеснили на периферию все иные виды печатных работ (с. 261). Автор и обратился к анализу большого комплекса диалогов вышедших в 1518—1523 гг. на этапе ранней Реформации. В. М. Володарский, верно, отмечает, что в Германии тогда сложилась на короткое время уникальная ситуация: и поборники Реформации, и её противники, стремясь привлечь общественное мнение на свою сторону, были вынуждены апеллировать ко всей массе христианского населения. Четкие различия двух конфессиональных систем и церковных организаций в ту пору полностью ещё не сложились, при всей остроте полемики пока были живы надежды на возможность каких-то компромиссов, и для «рядовых» христиан возникла недолгая возможность сравнительно свободно выбирать, какая трактовка веры им предпочтительна (с. 265).

Основной акцент в своей статье В. М. Володарский делает на освещении двух вопросов: той роли, которую сыграло в становлении специфики этих диалогов творчество немецких гуманистов, и тех проблем (естественно, на примере лишь их части), которые волновали авторов брошюр и их читателей в ранней период Реформации (с. 266). Автор при анализе диалогов в основном опирается на свои предыдущие исследования, вышедшие в середине 1990-х годов и приходит к выводу, что внутри самого реформационного движения назрели предпосылки дальнейших расхождений, раскола, что все сильнее начинают заявлять о себе и различные социальные интересы, что отразится на многогранной проблематике следующей фазы Реформации (с. 284).

Пятый раздел «Меняющаяся Европа: динамика внутреннего развития и культурного самосознания до начала Нового времени» по своей хронологии охватывает более тысячелетия. Он открывается с проблемной статьи известного специалиста по эпохе Великого переселения народов В. П. Будановой «Великие миграции народов: модели и проблемы корреляции». Главная цель этой публикации автор видит в создании рабочей модели типологии миграционных процессов (с. 351). Конечно, феномен миграции находится в поле зрения представителей различных научных направлений, которые формулируют свои подходы и методологию исследования. Именно этот аспект правильно отмечен В. П. Будановой, когда она говорит о междисциплинарности при изучении миграционных процессов (с. 352—353). Автор статьи на основе цивилизационного подхода, который, по ее мнению, в наибольшей степени способствует междисциплинарному диалогу при изучении данного феномена, предлагает четыре модели миграции — переселенческую колонизацию, адаптивное радиальное расселение, вынужденно-принудительное переселение и аттрактивную миграцию (с. 353—354).

Далее В. П. Буданова приступает к рассмотрению этих моделей в исторической ретроспективе. Начинает она с доисторического периода, для которого, по ее мнению, исследователи различных направлений нашли самое

подходящее определение — переселенческая колонизация как движение отдельного вида, расширяющее ресурсные возможности и характерные для данной популяции зоны проживания (с. 354). Сущность данной миграции автор статьи определяет в девизе — «Иду, чтобы выжить» (с. 355). Конечно, это не был целенаправленный процесс, ибо происходило расселение биологического вида.

Следующая модель адаптивного радиального расселения, по мнению В. П. Будановой, основана на стратегии поиска и освоении новой территории с достаточными ресурсами и площадью обитания. При этом существенны многочисленные адаптации, которыми обладали и мирные и военные переселения (с. 358). Это поиск нового витального пространства, в котором существовал народ до появления необходимости переселения, являлись основой в мотивации движения. Для такой миграции автор статьи предлагает девиз — «Иду, чтобы жить» (с. 359). Адаптивно-радиальные переселения характерны для древности и средневековья отмечает В. П. Буданова. Далее она дает примеры такого типа миграций — индоевропейцев, семитов, «народов моря», греческая, кельтская и т. д. Автор, верно, отмечает, что с течением столетий происходят изменения в этой форме переселения от постепенной инфильтрации и адаптации к новой среде обитания к завоеванию новых территорий и переселению на них (с. 366). Наиболее яркий пример такой модели расселения дает Великое переселение народов II—VII вв., где В. П. Буданова выделяет три волны мигрантов — «германскую», «гуннскую», «славянскую» (с. 368). Она вполне справедливо отмечает, что эти переселения утратили характер движения к неизвестному, ибо мигранты хорошо представляли привлекательность и предполагаемые условия жизни в тех местах, куда устремлялись и в динамике их передвижений стала проявляться некоторая организованность (с. 372). После Великого переселения народов II—VII веков характер миграционных процессов меняется кардинально: в передвижениях начала преобладать монодоминантная мотивация. Так её определяет автор статьи. Это миграции арабов, норманнов, славян (с. 373).

Для XVI—XIX вв. В. П. Буданова называет характерной модель вынужденно-принудительного переселения, ибо причины, побуждающие человека к миграции, включали притягивающий и выталкивающий компонент. Девиз такой модели она определяет так — «Ухожу, чтобы выжить» (с. 374). С нашей точки зрения данное определение модели миграции и ее девиз наиболее дискуссионная тема. Сама автор, говоря о специфике переселений XIX в., отмечает экономическую мотивацию перемещений, а через несколько строк пишет об усилении принудительно-насильственного фактора в первой половине XX в. (с. 379).

Послевоенный период существенно изменил характер миграций, пишет В. П. Буданова, превратив движение народов в аттрактивное переселение. Его девиз — «Ухожу туда, где лучше». Преобладающей становиться, по мнению автора, добровольная трудовая миграция (с. 380). Однако это тоже достаточно спорный вопрос. В заключении автор правильно отмечает остроту проблемы миграции, методологии ее исследования, актуальности понятийного инструментария миграционной проблематики. Я не зря так подробно остановился на данной статье, ибо эта тема действительно очень интересна и актуальна.

В этом же разделе заслуживает внимания статья М. В. Винокуровой «Крестьянский фригольд поместья Рочдейл в первой трети XVII в.». Её автор

признанный специалист по аграрной истории Англии раннего Нового времени. Статья отличается очень тщательным анализом источника (описей ланкаширского манора), обработкой его статистических данных, которые вылились в 5 таблиц. Автор, говоря о специфике крестьянского фригольда, отмечает, что этим типом земельного держания могли владеть дворяне, горожане и, конечно, крестьяне (с. 406). Это положение подтверждается данными из табл. 1, где автор говорит о том, что фригольдеров крестьянского типа было в 2, раза больше, чем дворян (с. 407). Однако далее М. В. Винокурова отмечает, что площадь крестьянского фригольда явно уступает «благородному» в 2,3 раза (табл. 2. с. 409). Далее автор показывает дифференциацию фригольдеров крестьянского типа (табл. 3), отмечая при этом, что значительное количество держателей (60 %) вело хозяйство на небольшой земельной площади менее 30 акров (с. 411). Однако доход с подобного участка земли, по мнению М. В. Винокуровой, позволял иметь допуск во «фригольдеры с избирательным правом», высота которого составляла 40 шиллингов (с. 414). Подводя итоги своего исследования, автор статьи отмечает, что среднее и мелкое свободное крестьянство в северо-западном регионе Англии в эту эпоху было достаточно обеспеченным. Здесь не было огораживаний столь характерных для этого времени, а изменения происходили внутри самого фригольда, в частности, фригольда благородного, с целью максимально повысить степень материальной обеспеченности наиболее влиятельных его представителей (с. 422).

Шестой раздел «Высокая политика: локальные интересы, семейные стратегии, глобальные расстановки» объединяет слишком разные сюжеты. Особенно это касается, по нашему мнению, семейной стратегии герцогини Мальборо, т. е. статьи Е. В. Иерусалимской, ибо она выбивается из общего контекста раздела. Наиболее интересной в нем оказалась статья Т. П. Гусаровой «Венгерский вопрос и венецианская дипломатия перед лицом турецкой угрозы в первой трети XVI в.». Основное внимание в статье уделяется усилиям венгерского короля Яноша I Запольяи, который добивался от Порты признания его власти над Венгрией при активном посредничестве венецианской дипломатии. Поворотным пунктом всех этих дипломатических перипетий Т. П. Гусарова считает события лета 1527 года, когда оставленному всеми европейскими «благожелателями» Яноша Запольяи не оставалось ничего другого, как обратиться за поддержкой к султану (с. 454). Далее она вполне справедливо указывает на важную роль венецианской дипломатии и, в частности, Алвиза Гритти, как посредника в признании султаном Яноша Запольяи королем Венгрии и формально сохранившим свою независимость от Порты (с. 478).

Седьмой заключительный раздел «Вглядываясь в собственное отражение: историографическая рефлексия между прошлым и настоящим» очень небольшой по объёму. Открывается он статьей известного медиевиста и методолога Л. П. Репиной «Между памятью и ожиданиями, или Три модуса времени в историческом сознании». Эта работа носит методологический характер. Автор отмечает, что в последние десятилетия существенно продвинулись исследования сложного феномена исторической культуры (с. 505). Л. П. Репина рассматривает понятие исторического сознания в междисциплинарном пространстве социально-гуманитарных наук, опираясь на анализ трудов Ю. А. Левады, М. А. Барга, Ю. М. Лотмана и др. Автор в заключении отмечает, что «теория культурной памяти, или исторического сознания»

объясняющая базовую процедуру осмысления прошлого, является отправным пунктом для межкультурного сравнения (с. 515).

В этом разделе наше внимание привлекла ещё одна статья — Н. А. Селунской «Ценности цивитас и ценность права: проблемы современной историографии». В этой работе рассматриваются представления о правовых ценностях, принятых в данном обществе. Автор статьи пишет, что есть основания связывать развитие цивитас и цивилиности в Средние века с развитием ценности письменного права (с. 516). Н. А. Селунская, анализируя современную итальянскую историографию и городские статуты, приходит к выводу, что в области правового развития наиболее значимым результатом роста итальянской средневековой коммуны стало формирование ее собственного законодательства и создания символических ценностей социума (с. 529).

В заключении еще раз следует отметить высокую научную ценность и разнообразие материалов, представленных в сборнике. Это издание действительно является значительным вкладом в отечественное искусство написания истории.